

У микрофона Галич

80 лет со дня рождения одного из создателей жанра авторской песни

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

На вопрос «когда дебютировал Солженицын?» — нынешний студент способен ляпнуть: «До революции». На что же рассчитывать Галичу? Для первокурсника образца 1998 года эпоха, озвученная тягучим, чуть печальным, чуть вальяжным, не всегда верно попадающим в строй, но с ходу узнаваемым галичевским голосом, не просто завершилась; она перешла в разряд «это было давно и неправда». Романтический пафос не в моде, риторика окончательно приговорена к осмеянию, «некрасовская» линия русской поэзии затерялась среди высоких хлебов. Как объяснить, что для многих и многих слова — «Сердце мое заштопано, / В серой пыли виски, / Но я выбираю Свободу, / И — свистите во все свистки!» — звучали как настоящий пароль? Что самая знаменитая галичевская песня 1972 года «Когда я вернусь...» была по нервам? Боюсь, куда понятнее сейчас песенка про товарища Парамонову («Не сердчай, что я гулял с этой падлюю, / Ты прости меня, товарищ Парамонова!»), да и то благодаря ее центробанковской однофамилице. Может быть — и то не уверен — на слушателей 1990-х произведет впечатление история «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира» (1968): «...Израильская, — говорю я, — военщина / Известна всему свету! / Как мать, — говорю, — и как женщина, / Требую их к ответу!» Но кассету с «Уходят, уходят, уходят друзья» (1965) заводить и не пытайтесь: в лучшем случае вежливо промолчат, в худшем — хмыкнут.

Винить тут некого. Напряжение, которое аккумулировалось в умах и сердцах интеллигентов 1960—1970 годов, как бы само собою «подавалось» в речитативный стих Галича, «перегонялось» в него аудиторией. Эффект усиливался возбуждающей атмосферой полупрапета, незримым присутствием врага-стукача: «Я сижу, гитарой тренькаю / — Хохот, грохот, гогот, звон... / И сосед-стукач за стенкою / Прячет в стол магнитофон...» Вне этой зоны социального напряжения, в отсутствие аудитории, все понимающей с полуслова и объединенной общностью интеллигентской судьбы, — стих терял упругость, провисал, как паруса в безветренную погоду. Даром ли в эмиграции Галич словно потерялся, не нашел новых слов, новых интонаций? А сейчас в такую же ситуацию попали его лучшие песни; они остались — контекст исчез.

Само по себе все это неизбежно. Любое более-менее серьезное явление в культуре сначала кажется сверхсовременным. Затем — вместе с эпохой — устаревает. Но в конце концов перемещается в область истории — и вновь обрета-

ВИКТОР АПОЛОВ

Александр Галич в редакции «Известий». Декабрь 1965 года

Александр Галич (литературный псевдоним Александра Аркадьевича Гинзбурга)

19 октября 1918 — родился в Днепропетровске; сразу после его рождения семья переехала в Севастополь, в 1923-м — в Москву. **1935** — по окончании 9-го класса принят в Литературный институт и в оперно-драматическую студию К.С. Станиславского. **1940** — поступил в новооткрытый Московский театр-студию; во время войны был одним из руководителей Комсомольского фронтового театра. **1950-е** — начало **1960-х**: успешливый советский драматург и киносценарист (пьесы «Вас вызывает Таймыр», «Август», фильмы «Верные друзья», «Дайте жалобную книгу», «Государственный преступник» и т. д.). **1969** — в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне) издан первый сборник песен Галича. **1971—1972**: исключен из Союза писателей и Союза кинематографистов СССР. **Июнь 1974**: отъезд вместе с женой в Норвегию «для чтения лекций» в Осло; через год перебирается в Мюнхен, потом в Париж. Ведет на радио «Свобода» рубрику «У микрофона Галич», выступает с концертами в Италии, Израиле. **19 декабря 1977**: погибает в своей парижской квартире от удара током.

ет смысл, вызывает интерес, открывается читателю и слушателю с иной стороны. Когда Галич *вернет*ся к нам таким образом, обнаружится его истинный масштаб, одними (по старой памяти) резко преувеличиваемый, другими (по неведению) столь же резко преуменьшаемый. Может быть, тогда понятнее станет, в каком драматическом положении находились все барды 1960—1970 годов, и Галич в том числе. По сути, песенно-стиховая «контркультура», созданная ими, предполагала мощное движение общественного протеста; их песни нуждались в баррикадах, как «Марсельеза» нуждалась во Французской революции. Но песни бы-

ли, а баррикад — не было. Романтический вызов, который мужественные одиночки бросали власти, не мог заменить массовых выступлений. Слово, рассчитанное на звучание под открытым небом, загромождалось в квартире, втискивалось в пределы университетской аудитории; оно задыхалось, астматически хрипело. Призванные вести за собою, вскипать социальным действием и в конце концов уступить ему место, песни эти *заменяли* действие, служили их вынужденным суррогатом.

Если кто и повинен в этом, то не Галич, не Высоцкий, не Окуджава. Они писали — как слышали, как дышали. А это не так уж и мало.